

Родился в 1985 году в городе Минусинске Красноярского края, с 2009-го года живет в Санкт-Петербурге.

В 1998 году стал лауреатом всероссийского конкурса «Мы — лицеисты».

В 2000 году получил стипендию им. В.П. Астафьева, вошел в лонг-лист Астафьевской премии 2009 года.

Финалист всемирного поэтического фестиваля-конкурса «Эмигрантская лира — 2010».

Лонг-лист премии «ЛитератураРентген» и шорт-лист премии «П» 2010 года.

Публиковался в журналах «Абакан литературный», «День и Ночь», «Зинзивер», «Литературной газете», Альманахе «Илья», в сборниках «Антология молодых авторов Хакасии» (Абакан), «Эмигрантская лира 2010» (Брюссель), «Антология премии ЛитератураРентген» (2012, Нью-Йорк), в интернет-журналах «Точка зрения», «Про-

лог», «Полутона», «45-я параллель», «Новая литература», «Знаки», «Новая реальность».

Из «Курьерского альбома»

ЗАПОВИСЬ ТРЕТЬЯ

Щупальцы песен время заткнуло за полночь,
Словно за пояс перчатки, бледнеет зеркало,
Дом на колесах потрясывает, на помощь
Виду в окне приспела фонарика белка, но
Скорость незыблема... плоский и белый кролик
Влип или вмёрз в окно. Что-то звенит, звенит
Так от натуги верхних и нижних коек,
Что начинаешь ворочаться, как в центре полей — магнит.

Плечики сорные тени
Отбрасывают на лицо.
Поворачивается колесо обозрения.
Проворачивается колесо.

Спать невозможно. Зрачок осенью поздней
Рухнул на простынь и видит тельце микроба.
То ли колеса так мерно стучат под поездом,
То ли лопаты усердно — по крышке гроба.
Свет яровой. Случайная, носится, в мыле,
Зеленая муха с брюшком толщиной в палец.
Кажется, будто бы это не мы зарыли
Всех наших умерших, это они окопались.

В отраве стихотворения
Паук играет с кольцом.
Поворачивается колесо обозрения.
Проворачивается колесо.

Что-то глядит извне на эту черную нить
Поезда, перетянувшую все сонные жилы лесов,
Похожую на толпу, бредущую хоронить...
Что-то... и не дай бог встретиться с ним лицом
К лицу. Хоть бы одна свеча зажглась в этой процессии
В разгар погашенных окон и беззащитности спящих!
Звон нарастает, словно борьба шкал Фаренгейта и Цельсия,
Ступая по головам, как подслеповатый ящер.

Рушатся дом и сени.
Одиноко стоит крыльцо.
Проворачивается колесо обозрения.
Проворачивается колесо.

ВЕРСИЯ КОНЦА

А на днях эти чудики прикатили коня к воротам.
Во охрана бежала — только сверкали латы.
Даже я напугался, когда через крен восхода
Эта морда плыла со стороны Эллады.
Нет, стоит, не шелохнется, не изрыгает пламень,
Не плюется камнями, в стену не бьет копытом.
Видно, греки совсем скукожились, керамику
Хоть бы лепили, а тут на — сколотили это.

Говорят, что в подарок. Вскорости восвояси
Войско двинется. Сворачивают становище.
Целый день жрец в волокнистой рясе
На алтарь слагает остатки скота и пищи,
Восхваляет богов, что избавили нас от ножа и плена.
Чистоту навели по центру: благовонно даже в сортире...
И далась нам эта красавица их, Елена.
Отпустили бы девку с кулечком на все четыре,
Раз такое дело. А то возвели ладони:
На богов понадеемся да на часовых — дозорных.

Только я не пойму: раз уж сошлось все, на кой нам конь их?
Окропить бы смолой да сжечь. Нет, ввозят в город.
Ну, пускай балуются...

Как стемнело,
Я откупорил финикийский херес
На остывшем балконе, чтобы забыть об Элла...
Чтобы забыть, как военные песни пелись,
Чтобы встретить огонь в очаге, а охрану — спящей,
Чтобы копые до утра заросло ажурной
Паутиной в углу, чтобы захлопнуть ящик,
Где доспехи,
Только кот соскочил с колен и понесся куда-то сдуру.
Я подумал: за мышкой, и все-таки вышел в темень.
Долго ходил по двору, у амбара кликал:
Нету хвостатого. Что овладело зверем?
Что он услышал в этой ночи безликой?

Пить расхотелось. Рука посильней вдавила
В горлышко пробку.
В пятый раз где-то бренчит железо.
В близкой листве мерещится что-то, будто стоит сивилла.
И верх живота к чему-то побаливает, как от пореза...

В абсолютном лесу, среди прочих мудил,
Я с гадальною картой на бал приходил
Вместо дамы.

Я погуливал с теми, кто вечно в бегах,
И закусывал снегом пары шмурдяка
И "Агдама".

Так лоснилась рубаха от грязи в душе!
Я ломал свои ноги о рай в шалаше,
Поскользнувшись на крыше,
И стремился уйти под спасительный дождь,
Управляя людьми, как акунинский дождь,
Возвращался простывшим.

Я выбрасывал крестик нательный в окно
И считал за бессмертье судьбы толокно,
И ходил по перилам,
Называл окружавших меня дурачьем
И хранил, как священное, имя Её,
И, по сущности, был им.

Так нельзя ли теперь мне от этих щедрот
Хоть недолго пока не заглядывать в рот
Этим черным и сытым,
Что, поскольку мне радость сейчас дорога,
Из последних углов наставляют рога,
Напрягаясь копытом.

И нельзя ли немного чудной простоты,
Так беспечно отпущенной тварям лесным
Или детским игрушкам?
Потому что, боюсь, за такие грехи
Не поверят теперь о волках пастухи,
И, что самое страшное, иже еси,
Мне теперь не поверит пастушка.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Уезжаю в среду. Повсюду хлябь.
И в кармане ни совести, ни рубля,
Только слой подростковой грязи.
И не спрашивай, солнце, куда я прусь:
Околоток снул, а сердечный груз
В наш багажный вагон не влазит.

А весна звенит на мотив Е. Доги,
Заслоняя родных и дорогих
Очумелым зелёным крупом.
Пусть, как сон декабриста, сей край красив,
Оставаться на здешней земной оси
Все равно, что ходить по трупам.

В этом месте я, как шальной улан,
Пил, высиживал курицу из орла,
Любовался опасной бритвой,
Самоходных дней изучал талмуд
И тебя, моя радость, приплёл к тому,
Но теперь — обрыдло.

Этот поезд, как водится, весь в огне.
Вспоминай меня максимум сорок дней —
Жизнь моя, как гимнаст на брусках.
Не сынок мамашин и не барчук,
Если я доеду, куда хочу,
Можно будет сказать: «вернулся».

А земля не круглая, хоть ты шей.
Что найду в далёком: клешню, клише —
Бог решит и возьмёт свой шабер.
На прощанье прощупай мой ломкий пульс
И не спрашивай, солнце, куда я прусь.
Вечер в среду, повсюду хляби...

Всё чаще, только лёг и задремал —
 Два ящера, карабкаясь на вал,
 Устраивают там безумный слалом.
 И будто слышишь в душах всей страны,
 Как проседают карстовые сны,
 Панически треща перед обвалом.

Одна рептилия чернее всех проблем,
 Чернее монитора ЭВМ,
 Чем снег бывает в городе Кызыле.
 С оскалом застарелых параной
 Она скользит по плёнке нефтяной
 В плетёной бивалютами корзине.

Рубиноглазая, как альбинос грызун,
 Летит другая, словно на газу,
 Курчавя за собою синий пламень,
 Вздыхая исполинский фейерверк,
 На слабозародившейся траве
 Пробор за нею выжжен и оплавлен.

И так они несутся вопреки
 Законам оптимистов и глухих,
 И солнца затуманенный апостроф
 Течёт над всем, как сгнившая хурма,
 И вот у основания холма
 Одновременно их глотает пропасть.

А у другого края пропасти во лжи
 Стоит сам Бог, неволью обнажив
 Все тайны от завета до прилива,
 До боли в просветлённом кулаке
 Пытаясь сжать в слабеющей руке
 Тугой опёнок ядерного взрыва.

Всё чаще, только лёг и задремал...

ЭСКИЗ № 8 (ПРОТОЧНЫЙ)

Если дождь сорок дней — всё блуждающий ливер...
Эпохальное — трудно, не великое — зря...
Что мерещится в этом безумном приливе?
Это точно твоё, это ты потерял.

Не заметишь лица проплывающий остров,
Не успеешь судьбе надавить на кадык...
Видишь, лучшее в мире сыскное устройство —
Это камень и круг, это память воды.

Ты читаешь поток — это кайф, это порно,
Эти смуглые тучи тебя убедят
Изобилием поз, только тот, кто запомнил,
Вправе мыслить себя предикатом дождя.

Но в промокшем тряпье проржавеет оружие,
Ты идёшь по воде — как портье, как партнёр,
Ты идёшь человек — вертикальная лужа,
И на сто, и на сто состоишь из неё.

И за красной строкой ты выходишь на схолию.
Пояснения к жизни как мрамор, засим,
Только топот и вдох, только скол, только колер...
Маякнул самолёт, пролетел серафим.